

ется на уровне внеисторического подхода к пониманию древности, т. е. человеком своей эпохи. Идея обретения Россией нового политического статуса в Европе и связанных с этим новых представлений о нормах этики (дворянской), об обязанностях монарха (концепция просвещенной монархии) и т. д. присутствует в его трагедиях, несмотря на их внешний древнерусский колорит. Коллизии, которые бы вытекали из осознания своеобразия исторического пути России, просто не могли при таком подходе возникнуть. Главным оставалось видеть Россию (ретроспективно обращенную к ее древности) ни в чем не уступающей остальным странам Европы. Характерна в этом отношении реплика Гостомысла, извещающего Оснельду о своем решении видеть ее женой Синава, в первом акте трагедии «Синав и Трувор»:

Пришло желанное, Ильмена, мною время,
Соединить тобой мое с Цесарским племя.¹⁴

С годами дидактическая окраска конфликта в трагедиях Сумарокова приобретает все более открытый характер, и соответственно антиисторизм художественного метода его пьес усиливается. Сумароков по-своему модернизирует историю, делая более отчетливым выражение заключенного в пьесах аллюзионного подтекста. В 1768 г. он подвергает переработке почти все написанные ранее трагедии. Особенно сильным изменениям подверглась ранняя пьеса «Хорев». Драматург полностью заменил монолог Кия в последнем действии, наполнив его рассуждениями о пагубности «монаршей страсти» и тяжелом бремени «законодавца». В другой трагедии — «Семира» он превращает центрального персонажа, Олега, в «правителя Российского престола», тогда как в первоначальной редакции 1751 г. Олег был обозначен как «князь Новгородский».

Пожалуй, только в «Димитрии Самозванце» (1770), единственной трагедии, основанной на событиях реально документированной истории, Сумароков подходит к такому пониманию конфликта, которое ставит в центр драматической коллизии проблемы, непосредственно спроецированные на раскрытие движущих сил истории применительно к осмыслению исторических судеб России. В этой трагедии Сумароков нащупывает один из самых болевых моментов русской истории, заложив основу целой линии развития национальной драматургии, посвященной событиям «смуты». Но художественная прозорливость Сумарокова, обратившегося к периоду «смутного времени», сказалась не только в открытии самого сюжета. Проблема узурпаторства, проблема правомочности незаконного занятия престола, решается Сумароковым в этой трагедии диалектически, дополняя проблемой нравственного отчуждения монарха от своего народа.

Уже в I действии пьесы драматург словами Пармена, обращенными к Самозванцу, принимая идею необратимости хода истории (как отражения «силы вещей», власти «судьбы»), ставит одновре-

¹⁴ Там же. С. 84.